

УДК 821.161.1.09"17"

EDN: ZDJLVA

Драматургические интерпретации предания об установлении в Новгороде власти Рюрика в пьесах Я. Б. Княжнина и Екатерины II

Батина Дарья Владимировна

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения факультета филологии
и медиакоммуникаций, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0009-0000-7262-9981. E-mail: batina.darya2014@yandex.ru

Аннотация. Статья обращена к актуальным вопросам осмысления отечественной истории и проблеме значимости государственной власти в становлении и развитии России. Автор статьи анализирует драматургическую интерпретацию древнерусского предания об установлении власти Рюрика в Новгороде в пьесе Екатерины II «Из жизни Рюрика» и в трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский». Целью исследования является анализ представленных в пьесах подходов к проблеме власти через обращение к летописным сюжетам и персонажам. Автор доказывает, что Екатерина II и Я. Б. Княжнин не стремятся воспроизвести точные исторические события IX века и по-разному трактуют предание о призвании варягов в своих пьесах. Императрица представляет Вадима честолюбцем, признавшим свои ошибки и подчинившимся Рюрику. Таким образом она выражает свой взгляд на русский национальный характер, подчеркивая, что одним из главных качеств русского народа является послушание вышестоящим лицам. Я. Б. Княжнин сосредоточил внимание на эпизоде восстания Вадима и других новгородцев против власти Рюрика. Он вложил в уста персонажей рассуждения о самодержавии и представил различные политические взгляды. В трагедии Я. Б. Княжнина звучат как идеи, поддерживающие справедливую единодержавную власть, так и идеи, отрицающие власть самодержца, лишаящего народ волю. Для каждого из драматургов древнерусский сюжет является средством передачи различных политических взглядов. Результаты исследования могут использоваться в дальнейшем изучении трактовок древнерусских преданий в литературе и исторической науке, а также в практике преподавания истории русской литературы XVIII в.

Ключевые слова: русская драматургия XVIII в., историческая пьеса, классицистическая трагедия, варяжский вопрос.

Масштабные изменения XVIII столетия, как отмечал Г. П. Макогоненко, требовали осмысления многовекового опыта русского народа. В связи с этим стал развиваться интерес к отечественной истории. Так, Петр I, осознав необходимость создания «фундамента» для развития патриотизма, потребовал издать книгу, в которой была бы кратко изложена история страны, и ради этого приказал собирать летописи [8, с. 8]. Благодаря все увеличивавшемуся интересу к прошлому в течение всего века самые разные люди собирали ценнейшие документы, создавали исторические труды, разрабатывали теоретические проблемы истории [8, с. 9]. Конечно, русские писатели не могли остаться в стороне. Г. П. Макогоненко выделяет заслуги А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, М. Н. Муравьева и Н. М. Карамзина, внесших большой вклад в изучение истории России [8, с. 9]. Художественная литература XVIII в. также часто обращается к истории. Как отмечает Г. В. Москвичева, русская литература в поисках истинного героя эпохи обращается к «героическим страницам» прошлого страны, где она находит людей, руководствовавшихся заботой об Отечестве, любовью к нему, стремлением усилить государство, сделать его более могущественным [9, с. 14]. Так, например, трагедия М. В. Ломоносова «Тамара и Селим» тесно связана с историей Куликовской битвы, а прототипами персонажей трагедии А. П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец» были действительно существовавшие исторические лица. Г. В. Москвичева отмечала интерес русской классицистической трагедии к проблемам общенационального значения [9, с. 73].

Одной из таких проблем можно назвать проблему выбора пути развития страны. На протяжении своего существования Россия неоднократно сталкивалась с необходимостью выбора направления дальнейшего развития. Поскольку выбор, осуществленный без учета текущего состояния множества различных аспектов, без учета ошибок и достижений прошлого может быть опасен, обостряющиеся в такие периоды общественные дискуссии затрагивают, как правило, не только представления о будущем, но и взгляд на прошлое, в том числе и весьма далекое.

Одним из предметов таких дискуссий является варяжский (варяго-русский) вопрос. Так принято называть несколько тесно связанных между собой проблем, среди которых проблема определения этноса и родины варягов и варяжской Руси, проблема происхождения названия русского народа, а также проблема призвания варягов и их роли в появлении и развитии государственности у восточных славян [17, с. 4]. В данном исследовании мы обращаемся к последней проблеме.

Рассмотрим описание сюжета о призвании варягов в летописях.

Стоит отметить, что речь идет о событиях, произошедших задолго до появления кириллицы, их участников на момент создания летописей не было в живых, поэтому в летописях не очень много говорится о том периоде. В «Повести временных лет» рассказывается о призвании на княжение братьев из варяжского племени на Русь [12, с. 214–215]. В Никоновской летописи упоминается Вадим Новгородский [7, с. 9].

В соответствии с «Повестью временных лет» часть древнерусских племен на 859 г. платила дань варягам, другая часть – хазарам. В 862 г. варягов изгнали, но затем начались княжеские распри: *«и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать сами с собой»* [12, с. 214]. В результате они приняли решение призвать на помощь князя, который бы мог их рассудить. Они обратились к варягам, называвшимся русью. «Избрались» три брата. Рюрик стал княжить в Новгороде, Синеус – на Белоозере, Трувор – в Изборске. Через два года братья Синеус и Трувор умерли, их владения перешли Рюрику, который стал раздавать города «своим мужам». После смерти Рюрика княжение перешло его родственнику Олегу [12, с. 214–216].

В Никоновской летописи также содержится сообщение об изгнании варягов, однако это событие относится к 859 г. После изгнания варягов начались усобицы, и вскоре было решено призвать князя, который бы мог навести порядок. Согласно Никоновской летописи, в 864 г., за год до смерти Синеуса и Тривора, возмутились недовольные Рюриком и его родственниками новгородцы. В этой летописи упоминается о том, что в том же году Рюрик убил Вадима и расправился с многими его *«советниками»* [7, с. 9].

Этот период привлек внимание драматургов XVIII в. Хотя (как уже отмечалось) интерес к прошлому развивался в течение всего века, ближе к концу столетия складываются еще более благоприятные условия для интересующихся ранним периодом русской истории. Это происходит благодаря восприятию западных тенденций, актуализировавших интерес к прошлому национальной культуры, о котором может свидетельствовать успех мистификаций Макферсона, а также благодаря общему состоянию русской исторической науки [14, с. 96–97]. Так, к концу века появились исторические труды М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, А. И. Манкиева, достоянием науки стали «Русская правда» Ярослава Мудрого, «Завещание» Владимира Мономаха и другие исторические документы. Все это способствовало росту национального самосознания. Появился интерес – в первую очередь со стороны придерживающейся просветительской идеологии оппозиции – к проблеме национального характера. Так, Д. И. Фонвизин, обращаясь к анонимному автору «Былей и небылиц», задает вопрос: *«В чем состоит наш национальный характер?»* [1, с. 166]. Екатерина II на это ответила, что он заключается *«в остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей от творца человеку данных»* [1, с. 166]. И в подтверждение своих слов императрица пишет пьесу о событиях глубокой древности, связанных с призванием Рюрика на княжение.

В 1786 г. Екатерина II издала пьесу под названием «Подражание Шакеспиру, историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика». Императрица решила отказаться от «феатральных обыкновенных правил», т. е. от необходимости соблюдать нормы классицистической трагедии, стремясь создать пьесы, подобные историческим хроникам Шекспира. В основе сюжета трагедии лежит предание о призвании варягов. В пьесе присутствуют персонажи, в летописях не упоминавшиеся. Таких персонажей более 10 – например, княживший до Рюрика Гостомысл, который в начале пьесы Екатерины II еще жив. Он не просто упоминается в пьесе, а является одним из действующих лиц, с его слов начинается пьеса. Как отмечал Ю. В. Стенник, историческая концепция, характеристика Гостомысла, родовая линия Рюрика и описание его действий после прихода на Русь взяты Екатериной из ее же «Записок касательно российской истории» [14, с. 100]. У Екатерины II Рюрик, Синеус и Трувор – внуки русского князя Гостомысла, дети средней его дочери. Вадим у Екатерины II – сын младшей дочери Гостомысла и, следовательно, двоюродный брат призванных князей. Призвание варягов у Екатерины II – последняя воля Гостомысла, исполнить которую он поручает новго-

родским посадникам и воеводе. Он объясняет, почему нужно обратиться к ним: каждый из собравших им старейшин *«по своей мысли и прихоти править и судить»*, *«правление земель и дѣль медлится, отъ того и разореніе Великому Новуграду воспослѣдовать можетъ»* [3, с. 299]. Гостомысл видит, что между старейшинами нет согласия, говорит, что они не могут *«сами собою править»* [3, с. 299]. Вадиму же он оставил его собственные *«славянскія маестности»* [3, с. 300]. Слово «маестность» в современном языке не употребляется, но раньше оно, как отмечено в Толковом словаре Д. Н. Ушакова, имело значение «поместье, имение» [16].

Недовольный тем, что ему достались лишь славянские земли и что ему придется подниматься варягам, Вадим после смерти Гостомысла предпринимает неудачную попытку поднять восстание. Рюрик, несмотря на то, что Вадим был зачинщиком восстания и виновен перед ним, видит в своем двоюродном брате не врага, а человека, обладающего полезными для государства достоинствами, такими как предприимчивость, бодрость духа, неустрашимость и *«прочія изъ того истекающія качества»* [3, с. 338]. Рюрик считает, что Вадим может вновь собрать славян, которые бежали к Киеву, поэтому предлагает Оскольду сделать Вадима своим помощником. Вадим не противится воле Рюрика и обещает быть верным ему [3, с. 338].

Ю. В. Стенник заметил, что в пьесе Екатерины нет даже намек на возможность существования вече: Новгородом изначально правит князь, которому повинуются все старейшины, посадники, новгородские бояре и воевода [14, с. 100–101]. Вадим, являющийся младшим двоюродным братом призванных князей, представлен очень честолюбивым и своевольным человеком. Он поднимает восстание лишь затем, чтобы самому стать единоличным правителем.

Тема Вадима Новгородского, пытавшегося поднять восстание, начала привлекать внимание и других авторов. В своеобразную полемику с императрицей вступает драматург, поэт и переводчик Я. Б. Княжнин, автор трагедии «Вадим Новгородский».

Я. Б. Княжнин, как и Екатерина II, не пытается сделать свою трагедию полностью соответствующей летописям. Исследователи отмечают, что для трагедий XVIII в. характерно осовременивание героев прошлого, их идеалов. Классицисты считали, что идеи, правящие миром, вечны. Поэтому при создании трагедий классицисты пытались «объяснить настоящее с позиций вечных и неизменных истин» [11, с. 108]. В его пьесе также присутствуют не упоминавшиеся в летописях персонажи. Но, в отличие от пьесы Екатерины II, действие «Вадима Новгородского» происходит уже после призыва Рюрика на княжение. В трагедии имя этого персонажа – Рурик, поэтому далее при анализе пьесы Я. Б. Княжнина мы будем использовать написание, данное автором трагедии. Рассмотрим, в чем различие конфликта Рурика и Вадима в трагедии Я. Б. Княжнина по сравнению с пьесой Екатерины II. Вернувшийся с войны в Новгород Вадим не принимает перемены, связанные с деятельностью Рурика, несмотря на то, что власть Рурику передал Гостомысл и народ, уставший от междоусобиц, признал его. Для Вадима оказалась неприемлемой ситуация, в которой вельможи добровольно преклонились перед царем, потеряв свободу.

Если в пьесе Екатерины II Вадим выступает против Рюрика, желая завладеть властью в Новгороде, то у Я. Б. Княжнина суть конфликта в другом – Вадим принципиально против самодержавной власти и не может видеть *«вельмож, утративших свободу, / Во подлой робости согбенных пред царем / И лобызающих под скиптром свой ярем»* [4, с. 255]. Вадим в трагедии Я. Б. Княжнина находит сторонников Вигора и Пренеста, готовых поднять восстание, и обещает отдать свою дочь тому, имеет *«душу кто не рабску, благородну, / Стремясь отечества к спасенью мне вослед / И жизни не щадя, всех смертных превзойдет»* [4, с. 257]. В отличие от пьесы Екатерины II, у Я. Б. Княжнина показан конфликт Вадима с новгородским народом. Народу нравится Рурик, дочь Вадима Рамида также не понимает, как можно не любить *«спасителя граждан, / Который от богов к отраде смертным дан; / Который, прекратя общественные стоны, / Отрекся здесь ему представленной короны; / Который, умолен народа током слез, / Небесны благости с собой на трон вознес»* [4, с. 268]. Таким образом, Вадим оказывается не понят ни народом, ни своей дочерью, хотя Рамида согласна повиноваться отцу. Как и в пьесе Екатерины II, в трагедии Я. Б. Княжнина Вадим терпит поражение: тех, кто поднял восстание, быстро разгромили. Как и в пьесе императрицы, одержавший победу монарх проявляет милосердие к побежденному. Но Вадим не собирается «прельщаться» этим: он готов отречься от впавшего, по его мнению, в раболепие отечества и от своей дочери, предавшей «порочной» любви... Однако Рамида доказывает отцу, что она не заслуживает его презрения: она закалывает себя. Вадим восхищается дочерью, совершившей, по его мнению, геройский поступок. Несмотря на провал восстания, он не признает нравственной победы Рурика. Перед тем как заколоться вслед за сво-

ей дочерью, он торжествующе спрашивает новгородского князя: *«В середине твоего победоносна войска, / В венце, могущий все у ног твоих ты зреть, – / Что ты против того, кто смеет умереть?»* [4, с. 303]. По мнению Л. А. Ольшевской и С. Н. Травникова, Вадим, несмотря на поражение в сражении, одержал «моральную победу» [10, с. 84].

Хотя пьеса завершается смертью Вадима, в его речи и в речи персонажей, являющихся его сторонниками, содержится немало тирад, направленных против власти самодержца, которым, как они были уверены, и был Рурик. Вигор ждет времени, когда трон будет «низвержен, сокрушен», когда *«отрадный луч вольности проглянет»* [4, с. 284]. Пренест говорит о *«горести самодержавна царства»*: он призывает не терять бдительности и не обманываться кажущимся благополучием, которого добился самодержавный правитель: *«Великодушен днесь он, кроток, справедлив, / Но, укрепя свой трон, без страха горделив, / Коль чтит законы днесь, во всем равняясь с нами, / Законы после нас и все попрет ногами!»* [4, с. 271]. *«Кто не был из царей в порфире развращен?»* – задается вопросом Пренест [4, с. 271]. Вадим и его союзники, верные своему долгу, могут вызвать у читателей или зрителей уважение, восхищение их преданностью, а следовательно, и положительно воспринять их высказывания, смысл которых перекликается с окружающей действительностью. Г. А. Гуковский сравнивал тирады Вадима и его сторонников с революционными прокламациями: «Сам Княжнин имел в виду в своей пьесе, конечно, не девятый век, а восемнадцатый, и в речах своих республиканцев обращался прямо к соотечественникам и современникам» [2, с. 363]. «Трагедия «Вадим Новгородский» – мужественный подвиг борьбы с всевластной тиранией», – считает Г. А. Гуковский [2, с. 363].

Ю. В. Стенник также отмечает смелость драматурга в насыщении трагедии антисамодержавными тирадами [14, с. 695]. Однако при этом он считает, что антииранические речи, высказанные в пьесе Я. Б. Княжнина, еще не значат, что трагедия была направлена против идей самой императрицы [15, с. 108]. Идеология императрицы (просвещенный абсолютизм), которую в пьесе выражает Рурик, сталкивается с республиканской идеологией Вадима, а автор стремится объективно их представить. Так, он не изображает Рурика жестоким. Наоборот, он утверждает, что Рурик – воплощение идеального монарха. Народ любит его: когда Рурик говорит о том, что согласен отказаться от власти, если того хотят его подданные, народ становится перед ним на колени, показывая, что он признает его своим правителем. Сам Рурик объясняет, почему он стал править, так: *«Начав благодворить, был должен довершить. / Отверженную мной я принял здесь корону, / Чтоб вашему для вас потворствовать закону»* [4, с. 299]. Он не понимает, почему Вадим решил восстать против него: *«Единой правды чтя священнейший устав, / Я отнял ли хотя черту от ваших прав?»* [4, с. 299]. Рурик – по его словам – боролся против восставших лишь потому, что хотел соответствовать ожиданиям людей, прежде доверивших ему трон. Но, одержав победу, он готов уступить свое место Вадиму, если того пожелает народ: *«Вы можете венец в ничто преобразить / Иль оный на главу Вадима возложить»* [4, с. 301]. Вадим Новгородский – сторонник республиканской идеологии, которая отвергала единовластную форму правления. Его действия продиктованы любовью к родной земле: несколько лет он воевал, чтобы защитить ее, а затем стремится вернуть ее гражданам утраченную вольность. Ради этого Вадим согласен пожертвовать многим: он готов и отдать свою жизнь, и отдать свою дочь в жены (вопреки ее воле) тому, кто сможет помочь ему добиться цели. «Спасти» отечество для него – дело чести, и, потерпев неудачу, Вадим желает умереть, чтобы избавиться от позора и чувства стыда: *«Не оставляя меня ты гнусну жизнь нести! / Минута каждая, миг каждый мне – позорны»* [4, с. 297]. Выход из своего положения Вадим видит лишь в самоубийстве.

Ю. В. Стенник, автор раздела «Интерес к истории. Новые веяния в драматургии (Княжнин)» в 4-томной «Истории русской литературы», подчеркивает, что Княжнин, искренне сочувствуя отстаивающему республиканские идеалы Вадиму, не менее искренне верил в концепцию просвещенного абсолютизма. По его мнению, в сознании драматурга эти противоположные идеалы были равноценны [15, с. 694].

А. М. Ранчин считает, что трагедия Княжнина – «манифест антиреспубликанских идей», которая лишь по «жесткой иронии» была причислена к оппозиционной словесности [13, с. 55]. Он замечает, что Рурик в пьесе показан более человеческим, чем «героический фанатик идеи» Вадим [13, с. 48]. Идея, по мнению А. М. Ранчина, превращает Вадима в тирана по отношению к дочери [13, с. 47]. Вадим ничуть не сомневается, что Рамида поступит так, как того требует ее долг – долг дочери, а позже, узнав, что она любит Рурика, невзирая на ее чувства, просит ее поклясться в том, что она станет «наградой» тому, *«за вольность общества кто паче всех герой»* [4, с. 270]. Хотя А. М. Ранчин признает, что «непреклонность и каменная твердость» Вадима «способны восхищать или, скорее, изумлять», они же «отталкивают и ужасают» [13, с. 48].

Несмотря на уже начавшиеся репетиции спектакля, Я. Б. Княжнин принял решение забрать пьесу из театра [5, с. 56]. В 1791 г. он умер. Спустя два года после его смерти, в 1793 г., пьеса была напечатана: один из опекунов детей Я. Б. Княжнина продал эту пьесу и несколько других произведений драматурга книгопродавцу И. П. Глазунову, а тот передал «Вадима Новгородского» в типографию Академии Наук. Ее президент Е. Р. Дашкова решила опубликовать трагедию [6, с. 729–730]. Однако в разгар Великой французской революции «Вадим Новгородский», насыщенный тираноборческими тирадами, не мог не вызвать возмущения и опаски со стороны официальных властей. Екатерина II лично приказала изъять и уничтожить все экземпляры трагедии, а также провести следствие, чтобы выяснить, почему она была издана. Трагедию смогли снова опубликовать лишь в 1871 г., при этом из нее пришлось убрать несколько строк с негативной характеристикой самодержавия («*Самодержавие, повсюду бедоделитель...*» [4, с. 271]). Позднее ее еще несколько раз публиковали, но с подлинным текстом трагедии читатели смогли ознакомиться лишь в 1937 г., когда был напечатан составленный Г. А. Гуковским сборник «Русская литература XVIII века» [6, с. 733].

Как отмечает Л. И. Кулакова, трагедия многим пришлась не по душе: о ней неодобрительно отзывались издатели А. И. Клушин и Н. Е. Струйский [6, с. 733–734]. В то же время у трагедии было немало поклонников. Например, А. Ф. Воейков, написавший о ней стихотворение. Он называет «Вадима Новгородского» своей любимой трагедией. Главных персонажей он сравнивает с Цезарем и Брутом, судьбу обоих считает славной и в то же время ужасной, а их борьбу – нерешенной [6, с. 734].

Запрет трагедии и сложившаяся вокруг Княжнина легенда на долгое время сделала «Вадима Новгородского» «знаменем оппозиционного свободомыслия» [14, с. 106]. Поскольку ее невозможно было опубликовать, она распространялась в списках. Л. И. Кулакова в примечаниях к трагедии упоминает слова С. Т. Аксакова, который говорил, что трагедия была очень популярна среди его товарищей по Казанскому университету. И он со своими товарищами – молодежь 1800-х гг., и старшее поколение читателей ценили «Вадима Новгородского» не только за то, что она была запрещена, но и за множество «смелых, глубоких мыслей, резких истин и сильных стихов» [6, с. 734–735]. К образу главного героя обращались А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, а тема проповедуемой им вольности стала очень популярна в романтической поэзии, особенно среди декабристов [6, с. 734–735].

Таким образом, обратившиеся в своих драматургических произведениях к древнерусскому преданию об установлении в Новгороде власти Рюрика Екатерина II и Я. Б. Княжнин по-разному подошли к использованию предания о призвании варягов в своих пьесах. Екатерина II, выведя приглашенных варягов как законных правителей и представив Вадима стремящимся к власти честолюбцем, выразила свой взгляд на русский национальный характер, подчеркнув, что одним из главных качеств русского народа является послушание вышестоящим лицам. Я. Б. Княжнин сосредоточил внимание на эпизоде восстания, а не призвания варягов. Это позволило ему вложить в уста персонажей рассуждения о самодержавии и представить различные политические взгляды. С одной стороны, герои выражают положительное отношение к Рурику, установившему справедливые законы в Новгороде. С другой – Вадим и его сторонники негативно высказываются о власти Рурика, которого воспринимают как самодержца, ограничивающего свободу новгородских граждан. Такая двойственность позволяет исследователям давать пьесе Я. Б. Княжнина самые противоположные оценки. Эта трагедия может трактоваться и как антисамодержавная тираноборческая пьеса, и как антиреспубликанское произведение. В обоих случаях – и в трактовке Екатерины II, и в подходе к древнерусскому преданию Я. Б. Княжнина – можно отметить весьма вольное обращение драматургов с историческими фактами. Они не ставят перед собой цели воспроизвести реальную историческую ситуацию, обращение к историческим событиям и лицам становится для них способом выразить взгляды на проблему взаимоотношения самодержавной власти и народа.

Список литературы

1. Вопросы и ответы с приобщением предисловия // Собеседник любителей российского слова: содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей. Ч. 3. СПб. : изданием Императорской Академии наук, 1783. С. 160–166. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000026939/ (дата обращения: 18.02.2025).
2. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века : учебник для высших учебных заведений. М. : Гос. учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. 526 с.

3. Екатерина II. Историческое представление, изъ жизни Рюрика. Подражание Шакеспиру, безъ сохранения театральныхъ обыкновенныхъ правилъ // Полное собрание сочинений русскихъ авторов. Сочинения императрицы Екатерины. Т. 1. Драматические сочинения. СПб. : Имп. Акад. наук, 1849. С. 299–337 URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1331193/ (дата обращения: 24.02.2025).
4. Княжнин Я. Б. «Вадим Новгородский» // Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1961. С. 249–304.
5. Кулакова Л. И. Жизнь и творчество Я. Б. Княжнина. Вступительная статья // Я. Б. Княжнин Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1961. С. 5–57.
6. Кулакова Л. И. Комментарии: Княжнин. Вадим Новгородский // Я. Б. Княжнин Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1961. С. 729–737.
7. Лѣтописный сборникъ, именуемый Патріаршею или Никоновскою лѣтописью // Полное собрание русскихъ лѣтописей. СПб. : Издание Археографической комисс., 1862. Т. 9. 256 с.
8. Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. Сб. 13: XVIII век. Л., 1981. С. 3–65.
9. Москвичева Г. В. Русский классицизм. М. : Просвещение, 1986. 189 с.
10. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Княжнин // Русские писатели. XVIII век : биобиблиогр. слов. / С. А. Джанумов, В. И. Коровин, С. Н. Травников и др.; сост. С. А. Джанумов. М. : Просвещение, 2002. С. 82–87.
11. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Трагедия // Русская литература XVIII века : словарь-справочник / А. В. Антюхов, К. Г. Бронников, О. М. Буранок и др.; под ред. В. И. Федорова. М. : МГПУ, 1997. 258 с.
12. Повесть временных лет / подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. Ч. 1: Текст и перевод. 1950. 404 с.
13. Ранчин А. М. «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина как антиреспубликанская трагедия // Текст и традиция. 2020. Т. 8. С. 35–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44520332> (дата обращения: 18.02.2025).
14. Стенник Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1981. 168 с.
15. Стенник Ю. В., Кочеткова Н. Д. Литературно-общественное движение 1780–1790-х годов // История русской литературы: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 673–706.
16. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. Л–Ояловеть / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. Стб. 115. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 18.02.2025).
17. Фомин В. В. Варяги и варяжская русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М. : Русская панорама, 2005. 488 с.

Dramatic interpretations of the legend of the establishment of Rurik's power in Novgorod in the plays of Ya. B. Knyazhnin and Catherine II

Batina Daria Vladimirovna

postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods,
Faculty of Philology and Media Communications, Vyatka State University. Russia, Kirov.
ORCID: 0009-0000-7262-9981. E-mail: batina.darya2014@yandex.ru

Abstract. The article refers to the currently topical issues of understanding Russian history and the problem of the importance of state power in the formation and development of Russia. The author of the article analyzes the dramatic interpretation of the ancient Russian legend about the establishment of Rurik's power in Novgorod in the play by Catherine II "From the Life of Rurik" and in the tragedy of Ya. B. Knyazhnin "Vadim Novgorodsky". The purpose of the study is to analyze the approaches presented in the plays to the problem of power through reference to chronicle plots and characters. The author proves that Catherine II and Ya. B. Knyazhnin do not seek to reproduce the exact historical events of the 9th century and interprets the legend of the vocation of the Varangians in his plays in different ways. The Empress presents Vadim as an ambitious man who admitted his mistakes and submitted to Rurik. In such a way she expresses her view at Russian national character, emphasizing that one of the main qualities of the Russian people is obedience to their superiors. Ya. B. Knyazhnin focused on the episode of the uprising of Vadim and other Novgorodians against the rule of Rurik. He put arguments about autocracy into the mouths of the characters and presented various political views. In the tragedy of Ya. B. Knyazhnin, there are both ideas that support a just, one-power government, and ideas that deny the power of an autocrat who deprives the people of freedom. For each of the playwrights, the Old Russian plot is a means of conveying different political views. The results of the research can be used in fur-

ther study of the interpretations of ancient Russian traditions in literature and historical science, as well as in the practice of teaching the history of Russian literature of the XVIII century.

Keywords: Russian drama of the XVIII century, historical play, classical tragedy, Varangian question.

References

1. *Voprosy i otvety s priobshheniem predisloviya* [Questions and answers with a preface] // *Sobesednik lyubitelej rossijskago slova : sodержashhij raznyya sochineniya v stihh i v proze nekotoryh rossijskih pisatelej* [A companion for Russian word lovers : containing various works in verse and prose by some Russian writers]. Part. 3. SPb. Affiliated with the Imperial Academy of Sciences, 1783. Pp. 160–166. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000026939/.
2. *Gukovskij G. A. Russkaya literatura XVIII veka : uchebnik dlya vysshih uchebnyh zavedenij* [Russian literature of the XVIII century: a textbook for higher educational institutions]. M. State Educational and Pedagogical Publishing House of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, 1939. 526 p.
3. *Ekaterina II. Istoricheskoe predstavlenie, iz zhizni Ryurika. Podrazhanie Shakespeiru, bez sohraneniya teatralnyh obyknovennyh pravil* [Historical representation, from Rurik's life. Imitation of Shakespeare, without preserving theatrical ordinary rules] // *Polnoe sobranie sochinenij russkih avtorov. Sochineniya imperatritsy Ekateriny. Vol. 1. Dramaticheskie sochineniya* [Complete works of Russian authors. The Writings of Empress Catherine. Vol. 1. Dramatic writings] SPb. Imperatorskaya Akademiya nauk, 1849. Pp. 299–337. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1331193/.
4. *Knyazhnin Ya. B. Vadim Novgorodskij* [Vadim Novgorodsky] // *Izbrannye proizvedeniya* – Selected works. L. Sovetskij pisatel (Soviet writer), 1961. Pp. 249–304.
5. *Kulakova L. I. Zhizn' i tvorchestvo Ya. B. Knyazhnina. Vstupitel'naya statya* [The life and work of Ya. B. Knyazhnin. Introductory article] // *Izbrannye proizvedeniya* – Selected works. L. Sovetskij pisatel (Soviet writer), 1961. Pp. 5–57.
6. *Kulakova L. I. Kommentarii: Knyazhnin. Vadim Novgorodskij* [Comments: Knyazhnin. Vadim Novgorodsky] // *Izbrannye proizvedeniya* – Selected works. L. Sovetskij pisatel (Soviet writer), 1961. Pp. 729–737.
7. *Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopisyu* [The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle] // *Polnoe sobranie russkih letopisej* – The Complete Collection of Russian Chronicles. SPb. Edition of the Archeographic Commission, 1862. Vol. 9. 256 p.
8. *Makogonenko G. P. Iz istorii formirovaniya istorizma v russkoj literature* [From the history of the formation of historicism in Russian literature] // *Problemy istorizma v russkoj literature. Konets XVIII – nachalo XIX v.* – Problems of historicism in Russian literature. The end of the XVIII – beginning of the XIX century. Collection 13 : XVIII century. L., 1981. Pp. 3–65.
9. *Moskvicheva G. V. Russkij klassicizm* [Russian classicism]. M. Prosveshhenie (Education), 1986. 189 p.
10. *Ol'shevskaya L. A., Travnikov S. N. Knyazhnin* [Knyazhnin] // *Russkie pisateli. XVIII vek : biobibliogr. slov.* [Russian writers. XVIII century : biobibliographical dictionary] / S. A. Dzhanumov, V. I. Korovin, S. N. Travnikov et al.; comp. S. A. Dzhanumov. M. Prosveshhenie (Education), 2002. Pp. 82–87.
11. *Ol'shevskaya L. A., Travnikov S. N. Tragediya* [Tragedy] // *Russkaya literatura XVIII veka : slovar'-spravochnik* [Russian literature of the XVIII century : dictionary] / A. V. Antyxov, K. G. Bronnikov, O. M. Buranok et al.; ed. V. I. Fedorova. M. Moscow State Pedagogical University, 1997. 258 p.
12. *Povest' vremennyj let* [Primary Chronicle] / prep. D. S. Lihachev; transl. D. S. Lixachev and B. A. Romanov; ed. corr. memb. of the USSR Academy of Sciences V. P. Adrianova-Peretetz. M., L. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. Part 1: Text and translation. 1950. 404 p.
13. *Ranchin A. M. "Vadim Novgorodskij" Ya. B. Knyazhnina kak antirepublikanskaya tragediya* [Vadim Novgorodsky by Ya. B. Knyazhnin as an anti-Republican tragedy] // *Tekst i tradiciya* – Text and Tradition. 2020. Vol. 8. Pp. 35–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44520332>.
14. *Stennik Yu. V. Zhanr tragedii v russkoj literature. Epoha klassicizma* [Genre of tragedy in Russian literature. The epoch of classicism]. L. Nauka. Leningradskoe otdelenie (Science. Leningrad branch), 1981. 168 p.
15. *Stennik Yu. V., Kochetkova N. D. Literaturno-obshhestvennoe dvizhenie 1780–1790-x godov* [Literary and social movement of the 1780s–1790s] // *Istoriya russkoj literatury : v 4 t.* [History of Russian literature : in 4 vols.] / USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Vol.1. Ancient Russian literature. Literature of the XVIII century. L. Nauka. Leningradskoe otdelenie (Science. Leningrad branch), 1980. Pp. 673–706.
16. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka : v 4 t. 2 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language : in 4 vols. Vol. 2] / und. gen. ed. B. M. Volin, D. N. Ushakov; comp. V. V. Vinogradov, G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevskij, D. N. Ushakov; ed. D. N. Ushakov. Column 115. M. State Publishing House of foreign Languages and the national words, 1938. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>.
17. *Fomin V. V. Varyagi i varyazhskaya Rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu* [Varangians and Varangian Rus: On the results of the discussion on the Varangian question]. M. Russian Panorama, 2005. 488 p.

Поступила в редакцию: 05.03.2025

Принята к публикации: 28.05.2025